

К ВОПРОСУ ОБ ОТНОШЕНИИ ПАТРИАРХА ФОТИЯ К АНТИЧНОЙ ТРАДИЦИИ

А. А. Логвинова

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Поступила в редакцию 10 июня 2022 г.

Аннотация: патриарх IX в. Фотий известен как выдающийся церковный и политический деятель в истории Византии. Его личность и наследие непросты и противоречивы. За всю свою жизнь он играл важные роли не только в византийской, но и в мировой истории, отличался весьма успешной церковной и просветительской деятельностью. Самым значимым его трудом является сочинение, которое вошло в историю под названием «Тысячекнижие» (иначе «Myriobiblion», греч. Μυροβιβλιον). В статье представлены мнения исследователей о характере написания «Мириобиблиона» и его отношения к античной традиции.

Ключевые слова: Фотий, Мириобиблион, кодекс, античная традиция.

Abstract: the activity of Patriarch Photius in the history of Byzantium gave a powerful impetus to the development of culture, which is often referred to as the Macedonian Renaissance. This man was born in the IX century. His personality is very difficult to study. Throughout his life, he played various important roles not only in Byzantine history, but also in the history of the church. The main of the works of Photius can be considered a work that went down in history under the name «The Thousand Books» (otherwise «Myriobiblion», Greek. Μυροβιβλιον). The article will present the opinions of researchers on the nature of the writing of «Myriobiblion» and its relationship to the ancient tradition.

Key words: Photius, Myriobiblion, codex, ancient tradition.

Основной интерес нашего исследования заключается в изучении произведения патриарха Фотия «Библиотека», получившего также название Μυροβιβλιον («Десять тысяч книг»). Ценность данного труда заключается в том, что многие из книг, которые читал Фотий, не сохранились до наших дней, а остались в заметках «Библиотеки». Кроме того, весьма важно, что византийский патриарх IX в. читал и конспектировал большое количество античных книг, что позволяет поставить вопрос о рецепции античности в рамках оживления византийской культуры – так называемого Македонского возрождения.

Из биографии Фотия известно, что он был весьма образованным человеком. В свое время он познакомился с большой коллекцией классических и раннехристианских произведений. Однако оценки его отношения к античности в историографии достаточно сильно различаются. Некоторые исследователи, например, Т. А. Сенина (мон. Кассия), считают его суровым критиком античного наследия [1, с. 138]. Она утверждает, что Фотий, в целом, не жалуется античных философов и нападает на них вполне в традиционном ортодоксальном духе: «Что же? Разве в человеческой премудрости вера ваша? Да не будет, но она – в силе

Божией, благодаря которой даже неученые становятся мудрыми».

В такой оценке есть определенный резон. Фотий как образованный человек своего времени всегда мог при случае привести подходящий пример или использовать образы из античной литературы, но его излюбленным источником цитат все же было Священное Писание. В качестве примера можно привести Письмо 277, в котором Фотий говорит о пьянстве. В письмах Фотий в большинстве случаев использует цитаты из Библии, нежели из античной литературы [2, р. 107].

Т. А. Сенина подводит нас к тому, что патриарх стремился активно использовать христианских авторов и Библию, нежели труды «внешних» писателей. «Библиотека» могла быть неплохой «рекламой» античного наследия, однако сам Фотий вряд ли к этому стремился. Его отношение к античности достаточно близко тому, что высказано в сочинении Василия Великого «К юношам о том, как получить пользу от языческих сочинений» [1, с. 146].

В этой связи Т. А. Сениной представляется необоснованным противоположное мнение К. Вудхауза о том, что Фотий хотел «возродить классическую ученость и симпатизировал Платону» [3, р. 69–70]. Близко к этому и утверждение Д. Старадуаки Уайт о том, что Фотий «осуществил синтез христианства и классической традиции» [4, р. 198].

В силу эрудиции и таланта Фотия, его ученики могли получить от него большее, чем от других преподавателей, но, скорее всего, ученые записи Фотия не несли в себе никакого явного эллинизма и не пробуждали «пылкую любовь» к античным авторам. Фотий утверждал, что христианские музы «настолько отличаются от эллинских», насколько свободный характер от рабских нравов и истина от лести». Ничего нового в таком взгляде на эллинскую культуру нет.

Подводя итог штудий Т. А. Сениной, можно сказать, что «Библиотека» оценивает эллинистическую литературу только по стилистическим и языковым достоинствам, т. е. это внешняя приятность для чтения и полезность для обучения в риторике [1, с. 147].

Вместе с тем в историографии существуют и другие точки зрения, которые дают комплексную и более взвешенную оценку «Мириобиблиона» в контексте рецепции античности.

По мнению П. Лемерля, «Библиотека» – это единственная переданная нам Византией работа по истории и литературе, включая античную, получившая широкое распространение [5, с. 279]. Это не авторское произведение в полном смысле слова, а огромный сборник читательских заметок, которые, по крайней мере, в начале, не предназначались для публикации. В его содержание Фотий не стремился внести ни порядка, ни композиции, ни единства. Чтение этих книг могло продолжаться от двенадцати до пятнадцати лет, и, возможно, сборник в целом отражает хронологический порядок, в котором они были прочитаны, поскольку там можно найти несколько упоминаний «прочитанного ранее» [6, р. 396]. Один и тот же автор или произведение могут быть разделены между несколькими заметками, иногда далеко отстоящими друг от друга – вероятно, вследствие случайных находок рукописей. Напрашивается вывод о том, что Фотий прочитал намного больше, чем законспектировал. Также можно отметить, что христианские кодексы преобладают над светскими по количеству названий (около 158, причем 70 из них дошли до нашего времени, а остальные были утрачены). Однако античные сочинения преобладают по суммарному объему в страницах. Одними из наиболее многочисленных являются кодексы исторических сочинений [5, с. 286].

К мнению о новаторстве труда Фотия и о важности его для рецепции античности можно привести в пример высказывание К. Цинглера: «Представляется весьма правдоподобным, что с конца античности до эпохи Фотия в этой области (литературной критики) сохранялась традиция школы, которая для нас неразличима, но никогда не прерывалась; Фотий воспринял ее и вновь оживил» [7, р. 684].

Безусловно, в общем и целом это так и есть, но необходимо внести некоторые уточнения, поскольку

Фотий не был привязан к единственной традиции. Необходимо учитывать его любознательность, его постоянный живой интерес к различным сюжетам и темам.

По мнению Р. Дженкинса, Фотий осознанно или неосознанно следует традициям позднеантичной риторики, восходящей ко Второй софистике и более поздним ее вариантам (Третьей и Четвертой). В византийской школьной традиции постоянно использовались четыре учебника первых веков нашей эры, иллюстрированные примерами, почерпнутыми из классической эпохи: Аполлония Дискола и Геродиана по синтаксису и частям речи, Гермодена Тарсийского по категориям литературного стиля и основам литературной критики, а также прогимнасы Афтония Антиохийского. Дженкинс полагает, что суждения и обороты, которые Фотий использует в своей «Библиотеке», часто являются «механическим использованием литературных категорий, взятых из Гермодена». Отсюда видно, что, по крайней мере, в области риторики, Фотий в полной мере подходит под определение рецепции [8, р. 43–47].

Известный специалист по византийской риторике Г. Л. Кустас, расценивая литературную критику Фотия как христианскую адаптацию стиля, берет в качестве отправной точки античную стилистику и показывает, что Фотий знал разные ее направления и часто их сочетал. Он также справедливо указывает на то, что приоритет христианской этики приводит Фотия к сочетанию ее с классической эстетикой и к установлению тесной связи между литературными достоинствами, с одной стороны, и нравственно-религиозными достоинствами – с другой. Возможно, в этом состоит одна из причин большого успеха, который, по всей видимости, имела «Библиотека» у образованного читателя. Во всяком случае, Фотий дает спокойное и умеренное отношение к языческой литературе, как к неопасной, но все же отдавая предпочтение христианской литературе. Для империи в целом такая интонация утверждается в IX в., но при этом можно вспомнить, что в отдельные периоды и в отдельных местах уже имели место такие проявления (например, в Газской школе VI в.). Можно сказать, что эти уверенность и спокойствие при обращении византийцев к античным сочинениям могут являться началом византийского классицизма в основе христианского, но желающего не отвергать, а, напротив, использовать и частично ассимилировать светский эллинизм отныне уже безопасно для себя [9, р. 143].

Мнение С. С. Аверинцева по поводу того, что Фотий тщательно отбирал античную литературу, выбирая «исключительно риторскую прозу как практическое руководство оратору» [10, с. 214], не вполне оправдано. Патриарх не был филологом или стилистом. Среди античной литературы, прочитанной им,

есть практически все жанры. Основным же и наиболее почтенным жанром прозы в античности была история. Возможно, патриарх старался отбирать литературу, похожую на курс античной истории, которую преподавали в Византии. Но такое мнение сомнительно, так как обучение было основано в то время на кратких сборниках, а не на обширных трудах, которые встречаются в «Библиотеке». Скорее всего, Фотий в области истории был заинтересован в ответах на многие вопросы, касающиеся его деятельности [11, с. 319]. Можно отметить, что некоторые кодексы переписаны с такой точностью, что не возникает сомнений в идентичности оригинала; тем самым повышается доверие исследователей к «Мириобибиону». Единственным исключением является кодекс 60 о Геродоте, где история предстает перед нами как история персидских царей и Смердиса, которого Фотий презирает за магию и узурпацию трона, поэтому он не может называться «царем» (василевсом) [12, с. 208].

Таким образом, с учетом интереса Фотия к истории многие реальные церковные и политические решения патриарха, по всей видимости, делались на основе античных трудов, которые патриарх учитывал при конспектировании сборника.

Опытный исследователь не обойдет стороной вопрос об отсутствии в «Мириобибионе» трудов, относящихся к поэзии. По мнению С. С. Аверинцева, поэзия не имела отношения к ораторскому искусству и составлению писем. Поэзия была для патриарха «бесполезна». Но это утверждение носит, конечно, спорный характер, так как противоречит цитированию Гомера в письмах и проповедях патриарха [13, с. 96]. Вряд ли можно не учитывать личные эстетические пристрастия Фотия, и, скорее всего, поэзия его просто мало интересовала.

Также выдающийся отечественный филолог утверждает, что Фотий, читая труды литературных теоретиков, не принимал всерьез поэзию, считая этот жанр «несуществующим» в классической теории литературы. Данное утверждение тоже можно подвергнуть сомнению, так как по классификации жанров Аристотеля «поэтика» существовала. Но, несмотря на этот факт, Фотий все-таки обходит стороной этот жанр словесности [10, с. 321]. Можно сказать, что выбор Фотия кажется здесь странным, но тем самым очевидно, что он не базируется на античных теориях литературы и следует личным предпочтениям [11, с. 212].

Немаловажным является мнение Е. Орта, который говорит, что литературная критика патриарха отличается от античной. Но это совершенно естественно для IX в. До начала XX в. считали, что подлинность литературной критики Фотия не является правдоподобной.

Г. Кустас предполагает, что Фотий применял эстетические принципы христианства при анализе прочитанных текстов, а по мнению Р. Смита, патриарх выступает самостоятельным редактором прочитанного независимо от его христианской картины мира и этики.

Без сомнения, Фотий обладал знаниями в области античных теорий языка и стиля и использовал их терминологию [14, с. 434].

В целом, достижения Фотия в области текстологии весомы. Он был первым, кто скрупулезно исследовал античное наследие, давая каждому прочитанному труду анализ и комментарии. С уверенностью можно сказать, что он также был первым византийским ученым, который проявил интерес к биографиям известных личностей античной эпохи.

Патриарх впервые после многовекового перерыва дал повод к размышлениям о том, какой стиль литературы был плохим, а какой хорошим. Он оценивал труды в значительной мере с точки зрения риторического искусства, т. е. подбора слов, структуры текста и т. д., но не исключительно с этих позиций.

Подводя итог, мы видим, что в историографии высказывались различные точки зрения исследователей на отношение Фотия к античному наследию. Его труд «Библиотека» является многогранным и уникальным для своего времени, да и в целом для византийской рецепции античности. Несмотря на то что его часто критикуют, некоторые фрагменты его сочинения «Библиотека» несут в себе уникальность и особую ценность в изучении античного наследия, так как содержат не только сохранившиеся произведения, но и утраченные, дошедшие до нас лишь в пересказах патриарха. Кроме того, важны критерии отбора текстов, личные вкусы великого читателя, все то, что делает «Мириобибион» действительно феноменом рецепции античности.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Сенина Т. А.* Эллизим в Византии IX века / Т. А. Сенина. – СПб. : Алетей, 2019. – 266 с.
2. *Photii, Patriarchae Constantinopolitani, Epistulae et Amphilochia* : in 6 vol. / ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. – Leipzig, 1983–1988. – Vol. 1. – Col. VII.
3. *Woodhouse C. M.* George Gemistos plethon. The last of the Hellenes / C. M. Woodhouse. – Oxford, 1986. – 391 p.
4. *Stratoudaki White D.* Patriarch Photios – a Christian humanist / D. Stratoudaki White // Greek Orthodox Theological Review, 25. – 1980. – P. 195–205.
5. *Лемерль П.* Первый византийский гуманизм. Замечания и заметки об образовании и культуре в Византии от начала до X века / П. Лемерль ; вступ. ст. и пер. с фр. Т. А. Сенина (монахиня Кассия). – СПб. : Свое издательство, 2012. – 490 с.

6. *Diller A.* Photius' Bihliotheca in Byzantine Literature / *A. Diller* // *Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University*. – 1962. – Vol. 16. – P. 389–396.

7. *Ziegler K.* Photios / *K. Ziegler* // *Paulys Real-Encyclopädie*, 1941. – XIX. – Col. 737.

8. *Jenkins R. J. H.* The Hellenistic Origins of Byzantine Literature / *R. J. H. Jenkins* // *Dumbarton Oaks, Trustees for Harvard University*. – 1963. – Vol. 17. – P. 39–52.

9. *Kustas G. L.* The Literary criticism of Photius. A Christian definition of style / *G. L. Kustas* // *Ἑλληνικά*. 17. 1962. – P. 132–169.

10. *Аверинцев С. С.* Поэтика ранневизантийской литературы / *С. С. Аверинцев*. – СПб. : Азбука-классика, 2004. – 480 с.

11. *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / *В. Е. Вальденберг*. – СПб. : Дмитрий Буланин, 2008. – 535 с.

12. *Каждан А. П.* История византийской литературы (850–1000 гг.). Эпоха византийского энциклопедизма / *А. П. Каждан*. – СПб. : Алетейя, 2012. – 375 с.

13. *Медведев И. П.* Правовая культура Византийской империи / *И. П. Медведев*. – СПб., 2001. – 575 с.

14. *Литаврин Г. Г.* Культура Византии (вторая половина VII – XII вв.) / *Г. Г. Литаврин*. – М., 1989. – 680 с.

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

Логвинова А. А., аспирант 3-го года обучения кафедры всеобщей истории

E-mail: aleksandra.kostyukovich@mail.ru

Belgorod State National Research University
Logvinova A. A., 3rd year Post-graduate Student of the
Department of General History
E-mail: aleksandra.kostyukovich@mail.ru